

© 2022. О. Б. Кафанова

Санкт-Петербургский институт бизнеса и инноваций
г. Санкт-Петербург, Россия

Творческая лаборатория А. А. Фета: перевод из А. де Мюссе

Аннотация: Предметом исследования является перевод элегии Мюссе «Lucie», который А. А. Фет никогда не публиковал при жизни. Исследование посвящено выяснению переводческого мастерства русского поэта и анализу самоценности созданного им произведения. Интерес представляет вопрос о времени работы над переводом и причинах отказа от его публикации. Элегия Мюссе, возникшая под прямым влиянием А. де Ламартина, репрезентирует «новый лиризм». Лирический герой изливает свою скорбь по поводу смерти своей первой возлюбленной, почти девочки, в меланхолических музыкальных стихах. Другим открытием стало новое отношение к природе, которой поэт поверяет свои меланхолические чувства. Пейзаж оказывается его самым лучшим и близким собеседником. Для структуры элегии характерны повторные жалобы; первые и финальные строфы совпадают. Фет перерабатывает текст, сокращая некоторые длинноты и отступления, добываясь более естественной интимности. По-видимому, он работал над элегией Мюссе в 1850-х гг., когда обрел собственный поэтический язык. В целом ему удалось очистить элегию от лишних отступлений, длиннот и в чем-то улучшить текст Мюссе. В результате своеобразного соревнования он создал поэтический шедевр, не уступающий оригиналу.

Ключевые слова: элегия, «новый лиризм», лирический пейзаж, естественная интимность, интонация «поэтической жалобы».

Информация об авторе: Ольга Бодовна Кафанова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский институт бизнеса и инноваций, ул. Гаванская, д. 3 а, 199106 г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: olg_kaf@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 24.02.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 13.03.2022

Дата публикации статьи: 25.06.2022

Для цитирования: Кафанова О. Б. Творческая лаборатория А. А. Фета: перевод из А. де Мюссе // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 246–261. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-246-261>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 246–261. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 246–261. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022 Olga B. Kafanova

St. Petersburg Institute of Business and Innovation
St. Petersburg, Russia

Creative Laboratory of Afanasy Fet: Translation from A. de Musset

Abstract: The research focuses on the translation of Musset's elegy "Lucie," never published during A. A. Fet's lifetime. The research is devoted to the clarification of the Russian poet's translation skills and the analysis of the self-worth of his work. Of interest is the question of the time of work on the translation and the reasons for refusing to publish it. Directly influenced by A. de Lamartine, the elegy represents the "new lyricism." The lyrical hero embodies his grief over the death of his first love, almost a girl, in melancholic musical verses. Another discovery was a new attitude to nature, to which the poet confides his melancholic feelings. The landscape turns out to be his best and closest companion. The structure of the elegy is characterized by repeated complaints; the first and final stanzas coincide. Fet revises the text and reduces some prolixities and divagations to achieve a more natural intimacy. Apparently, he worked on Musset's elegy in the 1850s, when he found his own poetic language. In general, he managed to improve the text of Musset in some way, to clear the elegy of unnecessary digressions, long notes. As a result of a kind of competition, he creates a poetic masterpiece that is not inferior to the original.

Keywords: elegy, "new lyricism," lyrical landscape, natural intimacy, intonation of "poetic complaint."

Information about the author: Olga B. Kafanova, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg Institute of Business and Innovation, Gavanskaya st. 3 a, 199106 St. Petersburg, Russia

E-mail: olg_kaf@mail.ru

Received: February 24, 2022

Approved after reviewing: March 13, 2022

Published: June 25, 2022

For citation: Kafanova, O. B. "Creative Laboratory of Afanasy Fet: translation from A. de Musset." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 246–261. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-246-261>

В переводческом наследии А. А. Фета есть очень интересный перевод из А. де Мюссе, который никогда не публиковался при жизни русского поэта. Неизвестно даже, когда он был сделан. Тем не менее, текст элегии настолько поэтичен, что заслуживает особого внимания. Известно, что Фет не очень жаловал французскую поэзию. Он оставил довольно неприязненные отзывы о поэтических сочинениях современных ему французских авторов — Беранже, Ламартина. Пожалуй, исключение он делал только для Мюссе, отмечая его поэтический талант. При этом интересны два вопроса: когда Фет занимался переводом и почему он оставил созданную им элегию неопубликованной.

Известно, что в 1840 г. Фет перевел несколько элегий А. де Ламартина, продемонстрировавшего интимность особого рода, репрезентировавшего «новый лиризм». Среди переводов был и шедевр — «Le Lac» («Озеро»), взятый им из сборника «Méditations Poétiques» (1820). Тем не менее, по его собственному признанию, он не любил ламартиновскую поэзию и иронизировал над своим другом Ап. Григорьевым, который ею очень увлекался в молодости, в начале 1840-х гг.: «Главным в то время идолом Аполлона был Ламартин. Последнее обстоятельство было выше сил моих. Несмотря на увлечение, с которым я сам перевел “Озеро” Ламартина, я стал фактически, чтением вслух убеждать Григорьева в невозможной прозаичности бесконечных стихов Ламартина и довел Григорьева до того, что он стал бояться чтения Ламартина, как фрейлины Анны Иоанновны боялись чтения Тредьяковского» [Фет 2002: 421].

Итак, объект нашего интереса — элегия А. де Мюссе «Lucie», созданная в 1835 г. Прежде всего, необходимо пояснить, что она создавалась под непосредственным влиянием Ламартина, а именно — открытого им и введенного в литературу «нового лиризма». Поэтому остановимся на выяснении того, что собой представляет это явление. В предисловии к «Поэтическим размышлениям» в издании 1849 г. сам Ламартин замечал: «Публика услышала душу автора, не видя ее». Он считал, что

заставил звучать «струны самого человеческого сердца, тронутого и взволнованного неисчислимыми колебаниями души и природы» (перевод мой. — О. К.) [Lamartine: 357]. В элегиях Ламартина впервые нашли свое поэтическое выражение идеи, появившиеся в литературе преромантизма и сентиментализма — прозе Ж.-Ж. Руссо, Ж.-А. Бернардена де Сен-Пьера, Ф. де Шатобриана, Ж. де Сталь [Богомолова]. Всем его элегиям свойственна интонация «поэтической жалобы» (будь то жалоба на мироздание, на измену возлюбленной или в связи с ее смертью). Печаль, меланхолия — главный мотив, проходящий через все его поэтические «медитации».

Другое открытие Ламартина — новое отношение к природе, лирический пейзаж, запечатлевший связь человеческой души с природой. Именно такова природа в его стихах: поэт здесь повергает свои меланхолические чувства озеру, лесу, небу. И пейзаж оказывается для него самым лучшим и близким собеседником. Характерно для элегии *Le Lac* и еще одно важное качество — восприятие пейзажа вне мифологических «посредников», описание дерева и ручья как конкретного дерева и ручья, а не как обиталищ дриад и наяд. Подобное отношение к природе являлось развитием наследия Геснера и Руссо.

Элегия как жанр была изначально связана с печалью, с воспоминаниями об ушедшем, с горестным ощущением потери. Элегия Ламартина, по словам поэта-современника, «рождена руинами Революции» [Séché: 311]. Это отличало его поэзию от «старого риторического лиризма XVIII века», который представлял собой «типовую эмоциональность, приличествующую обращению к определённым темам и жанрам; в таком лиризме не предполагалось искренности» [Пинковский: 256]. Таким образом, естественность стала отличительным признаком нового лиризма, характерного для поэзии Ламартина.

Для структуры элегии характерны повторные жалобы, как правило, в конце повторяется то, что говорилось вначале, первая и последняя строфы совпадают. Этот повтор необходим, поскольку больная душа «находит некоторое утешение в бесконечном выражении своих сетований, в упоении самим процессом такого выражения, выливающимся в формы мольбы, плача, заклинания («рыдания сердца») [Пинковский: 258]. Большинство стихотворений сборника Ламартина достаточно длинны и часто производят впечатление избыточного многословия, которое не нравилось Фету. Однако это свойство как раз и является

характерной особенностью лиризма поэта, основанного на неразрешимом — и потому продолжающемся конфликте между идеальным чувством и невозможностью его идеального бытия. По сути, это общеромантический тип лиризма, усвоенный французской поэзией посредством «Поэтических размышлений» А. де Ламартина.

Элегия А. де Мюссе «Lucie» композиционно и образно очень напоминает «Le Lac» Ламартина. Лирический герой рассказывает историю своей юношеской трагической влюбленности, обращаясь при этом к ивам, свидетельницам его чувства.

Lucie. Élégie (de Musset)

Mes chers amis, quand je mourrai,
Plantez un saule au cimetière.
J'aime son feuillage éploré;
La pâleur m'en est douce et chère,
Et son ombre sera légère
À la terre où je dormirai» [Musset 1857: 41].

В переводе Фета это начало звучит так:

Из Мюссе. Элегия

Когда я умру, надо мной
Посадите вы иву, друзья;
Плакучая ива, прикрой
Ты любимую тенью меня:
Она не придавит собой
Той земли, где лежать буду я [Фет 2015: 206].

Фет прекрасно передал ритмический рисунок, сохранил перекрестную рифму, что позволило поэту создать напевную мелодию. Далее следует воспоминание о прелестной девушке, почти девочке. При этом Мюссе варьирует рифму, которая становится менее отчетливой и создается впечатление почти эпического повествования:

Un soir, nous étions seuls, j' étais assis près d' elle;
Elle penchait la tête, et sur son clavecin
Laisait, tout en rêvant, flotter sa blanche main.

Ce n' était qu'un murmure: on eût dit les coups d'aile
 D'un zéphyr éloigné glissant sur des roseaux,
 Et craignant en passant d'éveiller les oiseaux.
 Les tièdes voluptés des nuits mélancoliques
 Sortaient autour de nous du calice des fleurs [Musset 1857: 41].

Перевод А. Фета:

Раз вечером одни мы были. Рядом с ней Я сел.
 Она головку наклонила
 И в забытьи едва-едва бродила
 Ее рука по ряду белых клавиш ей.
 То был задумчивый и тихий ропот,
 Как легкий ветер, скользящий меж кустов;
 Из-за него в благоухании цветов
 Таинственный был ночи слышен шепот [Фет 2015: 206].

Фет удачно пользуется способом смешанной рифмовки, сочетая смежную и опоясывающую рифмы, благодаря чему передается музыкальность стиха. В целом у него сохранена и образность, хотя параллель *des roseaux / les oiseaux* исчезает (камышы / птицы). В переводе сохраняются все приметы «нового лиризма»: изображенная природа естественна, ее описание проникнуто лирическим чувством. При этом нет ни одного сбоя в риторику (что сам Фет допускал в 1840 г. при переводе элегий Ламартина).

Musset

Les marronniers du parc et les chênes antiques
 Se berçaient doucement sous leurs rameaux en pleurs.
 Nous écoutions la nuit; la croisée entr'ouverte
 Laisait venir à nous les parfums du printemps;
 Les vents étaient muets, la plaine était déserte;
 Nous étions seuls, pensifs, et nous avions quinze ans [Musset 1857: 41].

Фет

В саду, под темной зеленью листов своих
 Семейство старое дубов дремало,

В полуоткрытое окно влетало
С весною много чувств и мыслей дорогих.
Кругом все было тихо, молчаливо.
Одни мы были, нам пятнадцать было лет [Фет 2015: 206].

Далее в переводе Фета есть сокращения и переделка текста, но это не портит целого. Необходимо сказать несколько слов о художественных особенностях элегий Мюссе. Французские исследователи считают, что поэт не писал стихи, а просто говорил, и они обозначают его поэтику как поэтику версифицированной речи. Возможно, этим объясняется желание Фета сократить текст, стремясь к большей цельности. «Но между неудачными фразами, — писал он К. Р. 12 июня 1890 г., критикуя стансы Мюссе к Малибран, — есть перлы и полновесные алмазы» [Фет 2011: 840]. К. Р., читавший в это время сборник стихов французского поэта, хорошо понял, что имел в виду Фет. «Я рад, — отвечал он 18 июня 1890 г., — что и вы порицаете Мюссэ за неумение подчиняться границам лирики», и приводил в качестве примера сокращенное с 45-ти до 4-х строф стихотворение «Воспоминание» («Souvenir») [Фет 2011: 843].

В оригинале элегии у Мюссе называется имя девочки — Люси; оно выведено и в ее название, а Фет намеренно его опускает, возможно, стремясь избежать излишней конкретики, бытописания. Его героиня — прекрасный возвышенный идеал, поэтому она должна оставаться безымянной:

Musset

Je regardais Lucie. — Elle était pâle et blonde.
Jamais deux yeux plus doux n'ont du ciel le plus pur
Sondé la profondeur et réfléchi l'azur.
Sa beauté m'enivrait; je n'aimais qu'elle au monde.
Mais je croyais l'aimer comme on aime une soeur,
Tant ce qui venait d'elle était plein de pudeur
Nous nous tûmes longtemps; ma main touchait la sienne [Musset 1857: 41–42].

Фет

Я на нее глядел: лица прозрачный цвет
Ей оттеняли кудри так красиво;

В глазах задумчивых, как небо голубых,
 Душа и небо ярко отражались;
 Мои глаза ей жадно упивались:
 Как небо я любил лазурь тех глаз святых» [Фет 2015: 206].

Этот фрагмент переведен довольно вольно, опущены строки, дословный перевод которых звучит примерно так:

Ее красота опьяняла меня;
 Я любил только ее на свете.
 Но я думал, что люблю ее, как сестру,
 Настолько все, что исходило от нее, было полно целомудрия.
 Мы долго молчали; моя рука касалась ее руки.

Возникает вопрос, что дает подобное сокращение текста? Думается, что Фет намеренно избегает прозаических деталей, возможно, излишних для лирического текста подробностей. Создается впечатление, что он, еще в большей мере, чем Мюссе, стремится создать элегию «нового лиризма».

Ален Вайан, современный французский исследователь, делает интересное заключение: «Мюссе не хочет писать, но дает свободное течение речи. <...> Мюссе не пишет, он рассказывает, т. е. говорит. А уметь говорить — это значит говорить без стремления что-то сказать, и еще получить от этого удовольствие, т.е. матрицей его поэтики является логорея» (перевод мой. — О. К.) [Vaillant: 293]. Парадокс этого заключения состоит в том, что «логорея» является симптомом патологии речи; речевым возбуждением, многословием, связанным с безудержностью речевой продукции и ускорением её темпа. Разумеется, Вайан не считает логорею свойством всех произведений Мюссе, однако она присуща в особенности его поэтическим сочинениям. Любопытно, что первый вариант элегии «Lucie» (1835) был значительно длиннее, около четырех страниц [Musset 1835], затем поэт сократил ее до двух с половиной страниц. Однако Фету и этот объем показался чрезмерным. Пожалуй, метод сокращения позволил ему добиться более цельного и искреннего лиризма.

Следующий фрагмент текста Мюссе передан у Фета довольно вольно, что очевидно в сравнении с более точным переводом А. И. Куршевой.

Musset

Je regardais rêver son front triste et charmant,
Et je sentais dans l'âme, à chaque mouvement,
Combien peuvent sur nous, pour guérir toute peine,
Ces deux signes jumeaux de paix et de bonheur,
Jeunesse de visage et jeunesse de coeur [Musset 1857: 42].

Перевод А. И. Курошевой

Я прелесть созерцал печального чела!
И ощущал душой, как от скорбей и зла
Нас властны исцелять, приметам являясь
Блаженства мирного, два юных близнеца:
То сердца молодость и молодость лица [Мюссе: 219].

Перевод Фета

Задумчивы, мы тихо с ней мечтали,
Я чувствовал, что в свете были мы одни,
Но сердца молодость и молодые дни
Для нас все остальное заменяли... [Фет 2015: 206].

Осмелимся сказать, что сокращенный вариант Фета звучит даже более поэтично. В следующем фрагменте он даже добавляет лишнюю строку (И замер звук едва начатой речи...), но она кажется очень естественной. Сравните:

Musset

La lune, se levant dans un ciel sans nuage,
D'un long réseau d'argent tout à coup l'inonda.
Elle vit dans mes yeux resplendir son image;
Son sourire semblait d'un ange: elle chanta [Musset 1857: 42].

Перевод Фета:

Вдруг длинную и яркой полосой луна
Осеребрила ей лицо и плечи
И замер звук едва начатой речи...
В глазах моих себя увидела она,
В улыбку тихую сложились губы

И песня грустная чуть слышно полилась... [Фет 2015: 206–207].

Формально Фет не очень точен, он то сокращает текст, то расширяет его; можно даже сказать, что он прибегает к вольной передаче оригинала. Однако работа над элегией его явно вдохновляет, потому что из-под его пера рождаются прекрасные стихи.

Musset

— Nous étions seuls, pensifs ; je regardais Lucie.
L' écho de sa romance en nous semblait frémir.
Elle appuya sur moi sa tête appesantie.
Sentais-tu dans ton coeur Desdemona gémir,
Pauvre enfant ? Tu pleurais; sur ta bouche adorée
Tu laissas tristement mes lèvres se poser,

Et ce fut ta douleur qui reçut mon baiser.
Telle je t'embrassai, froide et décolorée,
Telle, deux mois après, tu fus mise au tombeau;
Telle, ô ma chaste fleur ! tu t' es évanouie.
Ta mort fut un sourire aussi doux que ta vie,
Et tu fus rapportée à Dieu dans ton berceau [Musset 1857: 42–43].

Перевод Фета

Я близ нее сидел, дрожали звуки
Последней музыки и слов в душе моей;
Дитя мое, в прижавшейся груди твоей
Я слышал Дездемоны стон и муки.
Ты тихо плакала, на поцелуй ответ
Твои мне губки тихий, долгий дали.
Тот поцелуй был дань твоей печали,
Он лучшей жизни был пророческий завет.
Последнему уж не было ответа,
Увядши как цветок, ты вскоре умерла, —
И смерть твоя, как жизнь, улыбкою была:
Ребенком чистым ты ушла из света... [Фет 2015: 207]

На этих словах, звучащих, как музыка, Фет завершает элегию, если не считать повтора первоначального рефрена: «Когда я умру, надо мной / Посадите вы иву, друзья» и т. д. Фет опять последовательно опускает имя возлюбленной, но сохраняет имя Дездемоны, возникающее ассоциативно, в связи с образом ивы, который обрамляет элегию. Героиня Шекспира, как известно, поет песнь о плачущей иве в предчувствии своей гибели.

Заключительные стихи элегии Фет опустил, поэтому приводим их вновь в достаточно точном переводе А. И. Курошевой:

О тайна нежная обители, где скрыты
Смех, речи детские, и песни, и мечты,
И ты, всесильное очарованье, ты,
Что сдержишь Фауста пред дверью Маргариты,
— Невинность юности, — чем суждено вам стать?
Мир памяти твоей, дитя! Душе усталой! Прости!
Твоя рука не будет, как бывало,
Ночами летними по клавишам порхать...» [Мюссе: 219].

Думается, что сокращение текста у Фета только его улучшило. Отсылка к Маргарите Гёте воспринимается как излишняя: она нужна, чтобы сказать, что целомудрие может спасти девушку от падения. Однако перед лицом скорострительной смерти юной героини эти рассуждения кажутся надуманными.

Итак, возвращаемся к поставленным вопросам. Почему Фет не опубликовал то, что позднее начало называться переводом «из Мюссе». Комментаторы нового собрания Сочинений и писем Фета предполагают, что он не был удовлетворен своим переводом «Элегии» и по этой причине не включил его ни в прижизненные сборники, ни в подготовленное им Полное собрание стихотворений 1892 г. [Фет 2015: 640]. Однако мы считаем, что ему удалось в чем-то улучшить текст Мюссе, очистить элегию от лишних отступлений, длиннот и приблизиться к той поэтике, которую французы связывали с «новым лиризмом». Здесь замечательно, тонко, глубоко переданы меланхолические чувства лирического героя, вспоминающего свою первую чистую любовь. И это печальное излияние обрамлено естественной природой. Фет никогда не сбивается на риторический язык, метафо-

ры и аллегории, которыми он портил свои юношеские переводы из Ламартина.

Так, в его переводе «Le Lac» встречаются такие неудачные метафоры, как: озеро «грызло грудь (скалы) ... могучею волной», или «Сатурн летит стрелой» вместо: «время от меня ускользает и убегает». Одновременно «заря» (l'aurore) превращается в «блеск востока» [Фет 2002: 48].

В связи с этим совершенно очевидно, что Фет работал над элегией Мюссе значительно позже, чем над переводами из Ламартина. Он обрел свой поэтический язык, которым прекрасно владел, он хорошо чувствовал стилистику «нового лиризма». Представляется реальным, что время работы может относиться к 1850-м гг. Именно в 1852 г. «Lucie» перевел его друг Ап. Григорьев, причем перевел значительно хуже; его сокращения уничтожили всю поэзию меланхолической жалобы, хотя формально он был точнее. Однако финал Григорьев тоже сократил, опустив рефрен, обрамляющий элегию по кольцевой композиции, что уже совсем плохо.

Люси (Мюссе)

Друзья мои, когда умру я,
Пусть холм мой ива осенит...
Плакучий лист ее люблю я,
Люблю ее смиренный вид,
И спать под тению прохладной
Мне будет любо и отрадно.

Одни мы были вечером... я подле
Нее сидел... она головкою склонилась
И белою рукой в полузабвеньи
По клавишам скользила... точно шепот
Иль ветерок по тростнику скользил
Чуть-чуть — бояся птичек разбудить.
Дыханье ночи, полной неги томной,
Вокруг из чащ цветочных испарялось;
Каштаны парка, древние дубы
С печальным стоном листьями шумели.
Внимали ночи мы: неслось в окно
Полуоткрытое весны благоуханье,

Был ветер нем, пуста кругом равнина...
Сидели мы задумчивы, одни,
И было нам пятнадцать лет обоим;
Я на Люси взглянул... была она
Бледна и хороша. О, никогда
В очах земных не отражалась чище
Небесная лазурь... Я упивался ею.
Ее одну любил я только в мире,
Но думал я, что в ней люблю сестру...
Так вся она стыдливостью дышала;
Молчали долго мы... Рука моя коснулась
Ее руки — и на челе прозрачном
Следил у ней я думу... и глубоко
Я чувствовал, как сильны над душой
И как целительны для язв души
Два признака нетронутой святости —
Цвет девственный ланит и сердца юность.
Луна, поднявшись на небе высоко,
Вдруг облила ее серебряным лучом...
В глазах моих увидела она
Прозрачный лик свой отраженным... кротко,
Как ангел, улыбнулась и запела.
Запела песнь, что трепет лихорадки,
Как темное воспоминанье, вырывал
Из сердца, полного стремленья к жизни
И смерти смутного предчувствия... ту песню,
Что перед сном и с дрожью Дездемона,
Склоняясь челом отягощенным,
Поет во тьме ночной, — последнее рыданье!
Сначала звуки чистые, полны
Печали несказанной, отзывались
Томительным каким-то упоеньем;
Как путник в челноке, на волю ветра
Отдавшись, по волнам несется беззаботно,
Не зная, далеко иль близко берег,
Так, мысли отдаваясь, и она
Без страха, без усилий по волнам

Гармонии от берегов летела...

Как будто убаюкиваясь песнью...» [Пригорьев: 668–670].

У Григорьева сохранено имя героини, но утрачена музыкальность, вместе с тем часто не просматривается никакая рифма. При этом он постоянно сбивается на высокий стиль, архаичный язык. Однако именно в переводе Ап. Григорьева элегия Мюссе получила известность в России. Кроме того, есть еще и перевод В. С. Курочкина под названием «Ива»: смена названия и перестановка акцентов в нем свидетельствуют также о довольно свободной интерпретации оригинала.

Итак, почему же Фет не решился опубликовать свой труд? По-видимому, он оказался перед сложной дилеммой. Он не мог назвать его «переводом», потому что достаточно много сократил и преобразовал в оригинале. Тем более, он не мог выдать его за свое собственное сочинение: в нем были очень точно переведенные фрагменты. Наконец, можно было бы придумать название вроде: «Из Мюссе», «По мотивам Мюссе», «Подражание Мюссе». Но в этом случае, по-видимому, надо было отказаться от точных строк и переработать весь текст. В нерешительности, по-видимому, Фет был еще и потому, что высоко ценил поэтический талант Мюссе. В одном из писем к Я. П. Полонскому он назвал его «вдохновенным лириком», наряду с Пушкиным [Фет 2008: 770]. А сам он вступил в своеобразное соревнование с Мюссе, из которого, на мой взгляд, вышел победителем.

Список литературы

Источники

Григорьев Ан. А. Стихотворения. Поэмы. Драммы. СПб.: Академический проект, 2001. 760 с.

Мюссе А. де. Избранные произведения: в 2 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. 1292 с.

Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. СПб.: Академический проект, 2002. Т. 1. 552 с.

Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. Т. 5. Кн. 2. 720 с.

Фет А. А. Переписка с Я. П. Полонским 1846–1892 / вступ. ст. Т. Г. Динесман... // А. А. Фет и его литературное окружение. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 103. Кн. 1. 990 с.

Фет А. А. Переписка с великим князем Константином Константиновичем (К. Р.) 1886–1892 / вступ. ст. М. И. Репалиной... // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 103. Кн. 2. 1040 с.

Lamartine A. de. Première préface des *Méditations* // *Lamartine A. de. Méditations poétiques*: in 2 vols. Paris, Hachette, 1922. Vol. 2, pp. 347–374.

Musset A. de. Lucie. Élégie // *Revue des Deux Mondes. Quatrième série. Vol. 2, no. 5 (1er Juin 1835)*, pp. 617–620.

Musset A. de. *Poésies nouvelles (1836–1852)*. Paris, Charpentier, 1857. 277 p.

Séché L. *Le Sénacle de la "Muse Française". 1823–1827*. Paris, 1909. 311 p.

Исследования

Богомолова Е. С. Философско-эстетическое своеобразие элегий Альфонса де Ламартина в контексте художественных исканий романтизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 20 с.

Доманский В. А., Кафанова О. Б. Художественные миры Ивана Тургенева. М.: Флинта, 2018. 451 с.

Пинковский В. И. Элегия «Озеро» А. де Ламартина как воплощение «нового лиризма» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2018. № 7 (85). Ч. 2. С. 255–259.

Vaillant Alain. *La crise de la littérature. Romantisme et modernité*. Grenoble, UGA Éditions, 2019. 395 p.

References

Bogomolova, E. S. *Filosofsko-esteticheskoe svoeobrazie elegii Al'fonsa de Lamartina v kontekste khudozhestvennykh iskanii romantizma: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Philosophical and Aesthetic Originality of the Elegies of Alphonse de Lamartine in the Context of Artistic Search for Romanticism: PhD thesis, summary]. Moscow, 2006. 20 p. (In Russ.)

Domanskii, V. A., Kafanova, O. B. *Khudozhestvennyye miry Ivana Turgeneva* [Artistic Worlds of Ivan Turgenev]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 451 p. (In Russ.)

Pinkovskii, V. I. "Elegiia 'Ozero' A. de Lamartina kak voploshchenie 'novogo lirizma.'" ["Elegy 'The Lake' by A. de Lamartine as an Embodiment of 'New Lyricism.'"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., no. 7 (85), part 2, 2018, pp. 255–259. (In Russ.)

Vaillant, Alain. *La crise de la littérature. Romantisme et modernité*. Grenoble, UGA Éditions Publ., 2019. 395 p. (In French)